

СИМВОЛИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

© 2008 М.А. Воскресенская

Санкт-Петербургский государственный университет

Публицистические труды символистов представляют серьезную источниковедческую ценность для исследования мировоззренческих аспектов культуры Серебряного века, поскольку символизм не только являл собой эстетическую доминанту своей культурно-исторической эпохи, но и сформировал стиль ее мышления, основы ее миропонимания. Публицистика символистов не была связана непосредственно с журналистской деятельностью и не являлась сиюминутной реакцией “на злобу дня”, однако статьи, доклады, манифесты, материалы дискуссий, исходившие из среды символистов, неизменно касались насущнейших общественных проблем переломной, рубежной поры. Публицистические источники раскрывают характерные черты миропонимания творцов Серебряного века, прежде всего связанные с поисками дальнейшего исторического пути России. При всей отстраненности представителей культурной элиты от классовых битв, в сложной исторической ситуации порубежья, в условиях ограниченности буржуазных реформ, беспомощных попыток демократизации, усиливавшейся поляризации социальных групп, очевидной несостоятельности внешней и внутренней политики царизма их, конечно, не могли не волновать “больные” вопросы времени. Поэтому культуре Серебряного века был присущ, наряду с рафинированной утонченностью, публицистический пафос.

Творцом культуры Серебряного века стал новый тип интеллигенции, сложившийся в России к рубежу столетий и ставший культурной элитой русского общества. Представители новой социальной группы, потрясенные грехом царубийства, взятым на себя народниками, критически подошли к идеалам “шестидесятников”, а затем и марксистов. Они отвергали революционное насилие и политический радикализм, настаивая на поисках путей духовного совершенствования общества. Закономерность

социальных потрясений в России начала XX века, безусловно, осознавалась всеми мыслящими людьми, но революционность культурной элитой понималась по-своему. Вспомним В.В. Розанова: “А голодные так голодны, и все-таки революция права. Но она права не идеологически, а как натиск, как воля, как отчаяние” [28, 52]. Самой известной попыткой изменить радикалистскую парадигму интеллигентского сознания, переориентировать его в сторону духовно-нравственных приоритетов в общественных отношениях стал сборник “Вехи” (1906). Взгляды авторов сборника оказались чрезвычайно близки убеждениям символистов.

Политический переворот, по мнению символистов, сам по себе не принесет кардинального изменения жизни. “Если революция переживаемая есть истинная революция, — она совершается не на поверхности жизни только и не в одних формах ее, но в самых глубинах сознания”, — настойчиво убеждал Вяч. Иванов [18, 226]. Символисты не были равнодушны к насущным проблемам современности, но решать их пытались по-своему, так, как подсказывало мироощущение художника-творца. Судя по их публицистическим источникам, они никогда не выступали с классовых позиций. Их не волновал вопрос о власти, о расстановке политических сил. Для этой социокультурной среды было характерно убеждение в том, что жизненные условия изменятся, когда изменится человек. Наряду с веховцами, они принимали революцию исключительно как явление духовного порядка. Эта тема стала центральной в публицистических выступлениях русского символизма.

А. Белый в брошюре “Революция и культура”, изданной незадолго до Октября, подробно обосновывал мировоззренческую установку на “Великую революцию духа”: «Революция начинается в духе; в ней мы видим восстание на материальную плоть. ...Революцией, мировой войною и многим, еще не свершившимся

в поле зрения нашем, чреватые творения отцов символизма... Подлинно революционны и Ибсен, и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс; в глубине их сознания гремят нам огромные революционные взрывы; и они-то подлинно рвут неприятельский фронт; неприятельский фронт — это наша душевная косность... И нам ясно: лежащие в будущем формы общественной жизни, осуществленные революцией-собственно, не суть вовсе формы какой-нибудь “большевистской” культуры, а — вечносущее, скрытое под формальной вуалью искусств» [4; 297, 302, 306].

Подлинная революция, согласно романтико-идеалистическому мировоззрению символистов, должна затронуть основы человеческой личности, ее самосознания, духа, творчества. Внешние условия жизни не в силах преобразовать человека. Поэтому социально-политическая революция ложна. Она лишь видимость, фикция. Единственная возможность истинного (то есть духовного) пересоздания жизни — изменение сознания людей. Перерождение души, в свою очередь, возможно лишь средствами духовно-культурного порядка. Символисты не отрицали социальной революции как возможного способа устройства человеческого общества, но рассматривали ее не как конечную цель истории, но лишь как промежуточную. Собственно политические и социальные формы революции они понимали как сугубо внешние атрибуты более глубоких и содержательных процессов духа.

Отрицание политической борьбы не носило у символистов классового характера. Они не отстаивали существующего порядка вещей, однако их мировоззрение строилось на общекультурных, а не социально-экономических основаниях. Общественная позиция культурной элиты явилась не только результатом неприятия социально-политических воззрений радикалов, но и следствием перемены самого взгляда на мир. Безусловной реальностью в символистских представлениях обладает лишь абсолютное начало, лежащее за гранью бытия, вне пределов мира утилитарных ценностей и социальной необходимости. В этой плоскости лежал мировоззренческий водораздел между творцами Серебряного века и сторонниками утилитарно-материалистических взглядов, в том числе революционным крылом русской интеллигенции.

Д.С. Мережковский следующим образом описывал современную ему духовную ситуацию: “Наше время должно определить двумя противоположными чертами — это время самого крайнего материализма и вместе с тем самых страстных идеальных порывов духа.

Мы присутствуем при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных мирозерцаний. Последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними выводами опытных знаний” [25, 212]. Подобные суждения высказывал и А. Белый: “Еще недавно думали — мир изучен. Всякая глубина исчезла с горизонта. Простиралась великая плоскость. Не стало вечных ценностей, открывавших перспективы. Все обесценилось. Но не исчезло стремление к дальнему в сердцах. Захотелось перспективы. Опять запросило сердце вечных ценностей” [6, 220].

Мышление символистов естественно и органично выросло из общекультурной переориентации рубежа веков, когда содержанием не только литературы и искусства, но и публицистических выступлений нередко становится философское осмысление предельных законов бытия. В умонастроениях общества преобладало чувство неудовлетворенности действительностью, ее неприятие, сомнение в прочности всех казавшихся ранее незыблемыми моральных норм и жизненных установлений. Ощущение социальной неустойчивости развилось в ощущение изменчивости и зыбкости мира вообще, что усугублялось последними научными открытиями. Мир обнаруживает многомерность, многоаспектность, непостижимость. В свете новейших физических теорий изменялись пространственно-временные представления, что усиливало ощущение внутренней дисгармонии. Человек, потерявший власть над природой, лишился привычных форм взаимодействия с миром. Ощущение внезапно открывшегося неисчерпаемого многообразия мира порождало скептическое отношение к науке, стимулируя поиски иных способов познания. Научное познание не отрицалось полностью, но вместе с тем очень остро ощущалась его ограниченность пределами видимого, чувственно осязаемого мира, в то время как помыслы многих современников рубежной поры были обращены к миру надприродному. “Природа — лишь эмблема подлинного, а не само подлинное”, — заявлял А. Белый [5, 21].

Рациональное знание не решает актуальных вопросов духовного существования человека. Наука, абсолютизируя посредством рациональной методологии реалии внешнего чувственного опыта, отбросила опыт внутренний, мистический. Человеческое мирозерцание, заключенное в замкнутый круг эмпирической действительности, своим отказом от божественного откровения обусловило жесточайший духовный кризис, в который оказалась ввергну-

той современной цивилизация. Итогом развития европейской культуры стал глубокий аморализм. В духе Достоевского, символисты считали, что если Бога нет, то все дозволено и мир не узнает спасения. Д.С. Мережковский убеждал читателей: если Христос не воскрес, человечеству “не на что надеяться, не во что верить, нечего любить”, тогда человечество обречено, а “закон смерти непобедим” [24, 15].

Выход из кризиса символисты искали на путях иррациональных, однако их мистический опыт не ортодоксален. Каждый человек, по мнению символистов, по-своему выстраивает отношения с Богом. Связь с ним осуществляется через самоуглубление, самопознание, саморазвитие. Пристанище Бога – душа человека. Поэтому, даже оставаясь приверженцами христианской религии, символисты стремились к реформации сложившихся форм верования, переставших отвечать современным условиям жизни. Неохристианские искания в России начала XX века были очень тесно связаны с символистским движением.

Один из лидеров русского неохристианства, Д.С. Мережковский, выдвинул идею “нового религиозного сознания”, исходя из убеждения в том, что “историческое” христианство исчерпало себя. Реформировать официальную церковь он считал бессмысленным, так как это лишь усилило бы порабощение религии государством. “Век реформации для христианства прошел и не вернется, – убеждал мыслитель, – наступил век революции: политическая и социальная – только предвестие последней, завершающей, религиозной” [26, 92]. Цель своей деятельности Д.С. Мережковский видел в разрыве церкви с государством и соединении ее непосредственно с народом. Он призывал церковь порвать связь с “отжившими формами русской бюрократической государственности” и вступить в союз с русским народом и русской интеллигенцией в борьбе “за великое общественно-политическое обновление и освобождение России” [27, 140].

Религиозные искания в среде символистов имели внецерковный характер. В основном они свелись к деятельности Религиозно-философских собраний, учрежденных при непосредственном участии Д. Мережковского, Д. Filosofova, Н. Минского и преобразованных впоследствии в Религиозно-философское общество. Волновавшие символистов, как и других представителей “русского культурного ренессанса”, религиозные вопросы обсуждались на страницах журнала “Новый путь” (позднее переименованного в “Вопросы жизни”), основателем которого также выступил Д.С. Мережковский.

Поскольку ни позитивистский сциентизм, ни пришедшая в противоречие со стремительно менявшейся действительностью ортодоксальная церковь уже не отвечали духовным запросам современности, вернуть утраченные духовные связи человека с миром был призван художник, творец, воспринимавшийся в культуре Серебряного века подлинным властителем дум. Поэтому главная тема эпохи – неудовлетворенность российской действительностью и поиски путей общественного переустройства – представляла в символистской публицистике (прежде всего, в манифестах “младосимволистов”) как проблема жизнотворческих потенций искусства. Главным способом духовного пересоздания жизни творцы Серебряного века считали искусство, воздействующее на чувства и тем самым способное, по их мнению, преобразовывать все виды человеческих отношений.

Искусство в ту переломную эпоху приобрело чрезвычайно высокий общественный статус. Напряженные ожидания мировых катаклизмов в глазах многих превращали художника в пророка и жреца. Повышенное эмоциональное переживание действительности, которая вышла из повиновения человеку, породило общий идеалистический подход в оценке всех явлений современности, религиозно-мистические искания, поиски разрешения всех противоречий в сфере духовной. Искусство воспринималось как средство общего спасения [см: 1, 144; 2, 217].

Вопрос о назначении искусства вызвал бурную полемику, выплеснувшуюся на страницы символистских журналов и долго не утихавшую на различных собраниях творческой интеллигенции начала XX в. В ходе полемики Вяч. Иванов отстаивал свое убеждение в том, что “символизм лежит вне эстетических категорий”, что он никогда «не хотел и не мог быть “только искусством”» [16, 187]. А. Белый заявлял: “...правы законодатели символизма, указывая на то, что последняя цель искусства – пересоздание жизни; недосказанным лозунгом этого утверждения является лозунг: искусство – не только искусство; в искусстве скрыта произвольно религиозная сущность. Последняя цель культуры – пересоздание человечества...” [3, 23]. Г. Чулков, в тон им, подчеркивал: “...успехи символизма, как эстетического явления, ровно ничего не доказывают, если жизнь не изменится” [29, 79]. Судя по публицистическим источникам символистов, они искренне были убеждены в возможности переустройства мира по законам прекрасного, средствами искусства, а не политической борьбы. Эллис выражал скепсис в отношении социально-политических целей, ставившихся социал-демократией в революции: “Пока не доказано, что публика при социализме (точнее после капитализма)... будет абсолютно

иная. Подобные аргументы – самое лучшее оружие в защиту нашего культа аристократического (не в сословном смысле), индивидуалистического и стоящего выше жизни символизма” [31, 66].

Та реальная революция, свидетелями которой они оказались, говоря словами Н.А. Бердяева, “многих оттолкнула своими грубыми и уродливыми сторонами, своей враждой к духу” [8, 226]. Символисты считали происходившие классовые битвы утверждением бездуховного мира посредственности, в котором нет места личности. Революция, по их убеждению, ничем не отличается от самодержавия. И там и там господствует насилие: в самодержавии – одного над всеми, в революции – всех над одним. Д.С. Мережковский в разгар первой русской революции, которую он вначале приветствовал, пока не проявились вполне ее отталкивающие стороны, предостерегал: социализм превращает людей в стадо. “Стадная общественность” живет земными интересами, исповедуя дух хамства и буржуазной сытости [см.: 21, 31, 32].

Эти идеи мыслитель развивал в памфлете “Грядущий Хам”. “Хамство”, по Мережковскому, не имеет сословной принадлежности. Оно охватывает не низшие слои общества, а все, что казалось писателю бездуховным: “мертвый позитивизм православной и самодержавной казенщины”, “босячество”, хулиганство, черную сотню... Остановить поднимающееся хамство могут только “три начала духовного благородства”: народ – “живая плоть”, церковь – “живая душа”, интеллигенция – “живой дух” России [см.: 20, 37 38]. Все категории, введенные Д.С. Мережковским для изложения его социальной позиции, не социологические, а культурные. Они характеризуют духовные установки определенных общественных слоев, а не их социально-экономический статус. Подобно Мережковскому, Вячеслав Иванов по духовному признаку разделял два понятия: “соборность” и “легион”. “Легион” – это та же “стадность”, уничтожение коллективом личности. “Соборность” – новая форма организации общества, в которой раскрывается индивидуальная личность каждого [см.: 17].

Антирадикалистская направленность мышления сказалась и на отношении символистов к проблеме “народ и интеллигенция”. Символисты, смыкаясь с веховцами, отвергали политическое “хождение в народ” и предлагали свои варианты ее решения.

Главная устремленность приверженцев “нового религиозного сознания” во главе с Д.С. Мережковским заключалась в религиозном слиянии интеллигенции с народом. Воспринимая народ в славянофильском духе, как “богоносца”, они надеялись именно в религии уничтожить преграды, разделяющие интеллигенцию и на-

род: “Только вернувшись к Богу, мы вернемся к своему народу, к своему великому христианскому народу”, – настаивал Д.С. Мережковский. В революции, по мнению мыслителя, восторжествовал не народ, а “Хам” и потому, “может быть, величие русского освобождения заключается именно в том, что оно не удалось... может быть, величие русского освобождения в том, что не променяло оно своего первородства на чечевичную похлебку” [23, 23]. Предвосхищая “Вехи”, в сборнике статей “Большая Россия” он призывал интеллигенцию очиститься от грехов “эмпирической” революции покаянием: «Спасение наше в том, чтобы увидеть, наконец, свое собственное “окаянство”, почувствовать себя не “христоносцами”, а “христопродавцами” именно здесь, в этой страшной воле к нисхождению, к совлечению, к саморазрушению, к хаосу...» [22, 178]. Только религиозным подвигом, настаивал Д. Мережковский, можно излечить “больную” Россию, спасти ее от “легиона бесов”.

Вяч. Иванов был убежден в том, что художник ответствен перед историей и культурой за то, чтобы пришедшие в движение под воздействием политиканов массы не вызвали катастрофического разрушения вечных ценностей: “Те, кто организуют партии и их победы, еще не призваны, тем самым, организовывать народную душу и ее внутреннюю творческую жизнь” [18, 245]. Художник призван освободить народ от духовного рабства, став организатором “всенародного искусства”, которое объединит людей в “соборные общины”. Только тогда осуществится “действительная политическая свобода”, “когда хоровой голос таких общин будет подлинным референдумом истиной воли народной” [19, 218, 219]. А. Белый откровенно иронизировал над подобной идеализацией вопроса о взаимоотношениях народа и интеллигенции: “Выйдете под вечер погулять на деревню – и вы встретитесь и с хоровым началом, и с коллективным творчеством... нецензурных слов. Вот что значат выводы из теории, не считающейся с конкретными формами жизни” [7, 27].

Только А. Блок, “открытая, кровоточащая рана своей эпохи” [30, 100], взглянул на отношения интеллигенции и народа трезво, без холодного равнодушия и без излишней экзальтации. Он предрекал: если интеллигенция не уничтожит черту, отделяющую ее от народа, она будет сметена под копытами несущейся “тройки”-России [см.: 13; 15].

Октябрь был воспринят поэтом и мыслителем романтически, как “скифская стихия”, сметающая мещанский “старый мир”. Призывая “всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушать Революцию” [11, 20], Блок искренне верил: “Мир и братство народов – вот знак, под которым

проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать” [11, 13]. Он заявил об обязанности интеллигенции работать с большевиками, считая, что “по внутреннему побуждению это будет соглашение музыкальное” и что “декреты большевиков – это символы интеллигенции” [см.: 9].

Апофеозом революционных восторгов Блока стала статья “Крушение гуманизма” (1919). В ней он писал о кардинальном перевороте в человеческой истории, происходящем на его глазах, о музыке варварских стихий, несущей гибель выродившейся европейской цивилизации [см.: 12]. Действительность очень скоро спустила поэта с небес на землю, заставив прийти к прямо противоположным выводам. Трезво осознав реальные конкретно-исторические условия новой России, увидев “свою родную, искаленную, сожженную смутой, развороченную разрухой страну” [10, 183-184], Блок отверг революционную “стихию”, отдав предпочтение “культуре” [см.: 14]. В этих душевных терзаниях вновь слышна переключка с веховцами, с их прощальным словом Родине – публицистическим сборником “Из глубины” (1918).

Идейные воззрения символистов, их варианты ответов на “проклятые” вопросы эпохи были непосредственно связаны с картиной мира российской культурной элиты рубежа XIX–XX вв. Символистская публицистика, являвшая собой не отвлеченное философствование, не художественный взгляд на происходящее, а живой отклик на свершавшиеся на глазах творцов Серебряного века исторические катаклизмы, может рассматриваться как важнейший исторический источник для реконструкции образа мыслей этой социальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Окно в будущее / А. Белый // *Арабески: Книга статей.* – М.: Мусагет, 1911. – С. 138-146.
2. Белый А. Искусство / А. Белый // *Арабески: Книга статей.* – М.: Мусагет, 1911. – С. 211-219.
3. Белый А. Проблема культуры / А. Белый // *Символизм как миропонимание.* – М.: Республика, 1994. – С. 18-25.
4. Белый А. Революция и культура / А. Белый // *Символизм как миропонимание.* – М.: Республика, 1994. – С. 296-308.
5. Белый А. Символизм / А. Белый // *Луг зеленый: Книга статей.* – М.: Альциона, 1910. – С. 19-28.
6. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый // *Арабески: Книга статей.* – М.: Мусагет, 1911. – С. 220-241.
7. Белый А. *Театр и современная драма* / А. Белый // *Арабески: Книга статей.* – М.: Мусагет, 1911. – С. 17-42.
8. Бердяев Н.А. *Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал “Путь”:* (К десятилетию “Пути”) / Н. Бердяев // Н. Бердяев о русской философии: В 2 ч. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – Ч. 2. – С. 217-236.
9. Блок А.А. <“Может ли интеллигенция работать с большевиками?”> <Ответ на анкету> / А.А. Блок // *Собр. соч.:* В 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 6. – С. 8.
10. Блок А.А. “Без божества, без вдохновенья” / А.А. Блок // *Собр. соч.:* В 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 6. – С. 174-184.
11. Блок А.А. *Интеллигенция и революция* / А.А. Блок // *Собр. соч.:* В 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 6. – С. 9-20.
12. Блок А.А. *Крушение гуманизма* / А.А. Блок // *Собр. соч.:* В 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 6. – С. 93-115.
13. Блок А.А. *Народ и интеллигенция* / А.А. Блок // *Собр. соч.:* В 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 5. – С. 318-328;
14. Блок А.А. *О назначении поэта* / А.А. Блок // *Собр. соч.:* В 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 6. – С. 160-168.
15. Блок А.А. *Стихия и культура* / А.А. Блок // *Собр. соч.:* В 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 5. – С. 350-359.
16. Иванов В.И. *Заветы символизма* / В.И. Иванов // *Родное и вселенское.* – М.: Республика, 1994. – С. 180-190.
17. Иванов В.И. *Легион и Соборность* / В.И. Иванов // *Родное и вселенское.* – М.: Республика, 1994. – С. 96-101.
18. Иванов В.И. *О веселом ремесле и умном веселии* / В.И. Иванов // *По звездам.* – СПб.: Оры, 1909. – С. 220-246.
19. Иванов В.И. *Предчувствия и предвестия* / В.И. Иванов // *По звездам.* – СПб.: Оры, 1909. – С. 189-219.
20. Мережковский Д.С. *Грядущий Хам* / Д.С. Мережковский // *Полн. собр. соч.:* В 24 т. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – Т. 14. – С. 5-39.
21. Мережковский Д.С. *Декадентство и общественность* / Д.С. Мережковский // *Весы.* – 1906. – № 5. – С. 30-35.
22. Мережковский Д.С. *Земля во рту* / Д.С. Мережковский // *Полн. собр. соч.:* В 24 т. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – Т. 15. – С. 167-178.
23. Мережковский Д.С. *Конь бледный* / Д.С. Мережковский // *Полн. собр. соч.:* В 24 т. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – Т. 15. – С. 15-32.
24. Мережковский Д.С. *Меч* / Д.С. Мережковский // *Полн. собр. соч.:* В 24 т. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – Т.13. – С. 5-35.

25. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – Т. 18. – С. 175-275.
26. Мережковский Д.С. Реформация или революция? / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – Т. 16. – С. 83-93.
27. Мережковский Д.С. Теперь или никогда / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – Т. 14. – С. 116-144.
28. Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки / В.В. Розанов. – М.: Современник, 1992. – 543 с.
29. Символисты о символизме: Федор Сологуб, Георгий Чулков, Вячеслав Иванов // Заветы. – 1914. - № 2. – С. 71-84.
30. Степун Ф.А. Россия накануне 1914 года / Ф.А. Степун // Вопросы философии. – 1992. - № 9. – С. 85-120.
31. Эллис. Кризис современного театра / Эллис // Весы. – 1908. – № 9. – С. 63-66.